ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

(МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП)

2025

10 - 11 класс

КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ

Задание 1

Скульптура в поэзии

Скульптура в поэзии - это не просто описание физических объектов, а сложный художественный образ, который может выполнять разные функции: служить символом, метафорой, источником философских размышлений или элементом сюжета. Такие образы часто становятся центром лирических размышлений, помогают раскрыть внутренние переживания героя или отразить культурные и исторические контексты.

Одним из ярких примеров использования скульптуры в поэзии являются стихи, посвященные скульптуре «Девушка с кувшином» (также известной как «Молочница» или «Царскосельская статуя».

Перед вами разные ракурсы скульптуры, автором которой стал Павел Петрович Соколов – академик Императорской Академии художеств, представитель русского классицизма. Проект фонтана в целом разработал Августин Августинович Бетанкур – испанский инженер-механик, состоявший на русской службе.

А.С. Пушкин и А.А. Ахматова создали стихотворения, посвященные этой скульптуре, находящейся в Екатерининском парке Царского села. Напишите небольшое эссе (примерно 250-270 слов), опираясь на тексты произведений А.С. Пушкина и А.А. Ахматовой. Сопоставьте оба стихотворения, выявите общие черты (культурный контекст, тема искусства и вечности, использование схожих мотивов) и черты различия. (жанр, основная идея, эмоциональный тон, восприятие статуи).

А.С. Пушкин

Царскосельская статуя

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.

Дева печально сидит, праздный держа черепок.

Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;

Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

1830 г.

А.А. Ахматова

Царскосельская статуя

**Н.В.Н.*

Уже кленовые листы
На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины,

И ослепительно стройна,
Поджав незябнущие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.

Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой.
Играли на ее плечах
Лучи скудеющего света.

И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной…
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.

1916 г

*Стихотворение посвящено Николаю Владимировичу Недоброво – русскому поту, критику и литературоведу, другу семьи Ахматовой.

.

Критерии оценивания

1. Охарактеризованы основные художественные приемы – до 10 баллов.

2. Выявлены взаимосвязи, переклички структурных элементов произведений – до 5 баллов.

3. Логичность, связность, речевая грамотность работы – до 5 баллов.

Максимальный балл – 20

Задание 2

Выполните ОДНО из приведенных заданий – анализ прозаического произведения ИЛИ анализ лирического произведения.

Захар Прилепин

БАБУШКА, ОСЫ, АРБУЗ (Рассказ)

Бабушка ела арбуз.

Это было чудесным лакомством августа.

Мы – большая, нежная семья – собирали картошку. Я до сих пор помню этот весёлый звук – удар картофелин о дно ведра. Вёдра были дырявые, воду носить в них было нельзя, им оставалось исполнить последнее и главное предназначение – донести картофельные плоды до пузатых мешков, стоявших у самой кромки огорода.

Картофель ссыпался в мешки уже с тихим, гуркающим, сухим звуком. От мешков пахло пылью и сыростью. Они провели целый год в сарае, скомканные.

Мешки тоже были рваные, но не сильно; иногда из тонко порванной боковины вылуплялась маленькая, легкомысленная картофелинка. Когда мешок поднимали, она выпрыгивала на землю, сразу же зарываясь в мягком чернозёме, и больше никто её не вспоминал.

Было солнечно, но солнечный свет уже был полон августом, его медленным и медовым исходом.

Я всё время ловил себя на мысли, что мне хочется встать и долго смотреть на солнечный диск, будто расставаясь с ним на долгое счастливое плаванье. Наверное, мне просто не хотелось работать.

Подумав, я сказал, что едва ли сбор картошки является мужским делом, но меня не поддержали. Против были: моя мать, моя тётка, мои сёстры и даже забежавшая помочь соседка.

Только бабушка вступилась за меня.

– А то мужское! – сказала она. – Когда это мужики в земле ковырялись. Это бабьи заботы. Ложись вон на травку, пока мы собираем. Вон какие мешки таскаешь, надорвёшься.

Бабушка говорила всё это с неизменной своей, милой иронией – и всё равно бабы закричали на неё, замахали руками, говоря наперебой, что только мужчины и должны рыться в земле, некуда их больше приспособить.

Иные, взрослые мужики, между тем, не работали. Дед возился во дворе с косами, подтачивая и подбивая их. Отец ушёл на базар, и обратно, видимо, не торопился. Крёстный отец мой – брат отца родного, полёживал возле трактора.

Утром он попытался трактор завести, но что-то неверное сделал механизму, и трактор непоправимо заглох.

Случайный, проходил час спустя сосед Орхан, беженец с юга, тракторист.

Он был добрый человек и вовсе не понимал шуток.

Крёстный относился к соседу крайне благодушно и, когда мог, выручал в неприятностях. Разве что стремился при каждом удобном случае Орхана разыграть.

– Орхан, здорово, – поприветствовал крёстный проходившего соседа.

– Привет! – сухо сказал Орхан, всегда ожидавший от крёстного какой-нибудь выходки.

Крёстный изобразил необыкновенную занятость, сделав лицо серьёзное и озабоченное:

– Слушай, – сказал он торопливо. – Бабы торопят – а мне ещё свиней надо покормить. Заведи трактор, Орхан? Заведи-заведи, а я сейчас прибегу.

Орхан не успел ответить, как крёстный ушлёпал в забубённых тапках во двор. Все, кроме Орхана, сразу приметили, что, сделав круг по двору, крёстный припал к тому оконцу в сарае, куда выбрасывают навоз.

Потоптавшись и, несмотря на всю нелепость ситуации – чего б весёлому соседу не завести свою машину самому? – Орхан полез в трактор. Спустя минуту трактор взревел, зачихал, и снова смолк.

Крёстный уже успел добежать до огорода с вытаращенными глазами:

– Ты чего там сделал, Орхан? А? Ты тракторист или где?

Орхан сделал ещё одну попытку, но на этот раз трактор вообще смолчал.

Орхан испуганно вылез из трактора и сделал вокруг него несколько кругов. Крёстный не отставал, и всячески стыдил соседа, требуя, чтоб тот немедля исправил поломку.

– Я ж вчера работал на нём, Орхан! – ругался крёстный. – Ты ж видел меня! Что ты там сделал, что он сдох? Давай исправляй!

– У меня обед, а потом опять – работа! – с трудом подбирая русские слова, попытался ускользнуть Орхан, но крёстного было уже не отогнать.

– Какая работа? А я что буду делать? Сломал – делай. Это не по-соседски – так поступать, Орхан. У вас на Кавказе разве так поступают с соседями?

Спустя десять минут Орхан лежал под трактором, вздрагивая волосатыми ногами, на которые садились мухи. Крёстный расположился неподалёку, покуривал, закинув одну руку за голову.

– Какой ты тракторист, Орхан, – говорил крёстный негромко. – Да никакой. Ни черта не умеешь. Завёл машину, и сразу сломалась она.

– А? – спрашивал Орхан из-под трактора.

Бабы смеялись. Одна бабушка делала вид, что не понимает, в чём дело.

Здесь пришёл мой отец с базара и принёс три здоровых арбуза, в каждом из которых можно было, выев мякоть, переплыть небольшой ручей.

О, этот арбузный хруст, раскалённое ледяное нутро, чёрные семена. Никто не в силах был сдержаться, пока отец кромсал роскошный, всхлипывающий плод.

Наспех закончив свои грядки, бабы сошлись к арбузу и застыли в оцепенении.

Только бабушка ловко собирала картошку, разгребая сильными руками землю.

Мать сходила за белым хлебом – арбуз хорошо есть с ароматной мякотью.

– Ба! – позвали сёстры бабушку. – Иди уже!

– Иду-иду, – отозвалась она, но сама доделала свою грядку, сходила с ведром к неполному ещё мешку, и, умело прихватив его края, ссыпала картофель. Всем остальным нужны были помощники в таком нехитром деле: один, скажем, держал мешок, второй пересыпал картошку из ведра – и то иногда картошка падала мимо. А бабушке – нет; она во всём привыкла обходиться одна.

Орхана тоже позвали к арбузу, но он, наконец, завёл трактор и сразу тронулся на работу, так и не заглянув домой. Мать едва нагнала его: сложив в пакет яичек, щедро нарезанной колбасы с хлебом, бутылку с молоком, передала соседу. Я и не заметил, когда она всё это принесла на огород и положила в тенёк под кусток.

Мы ели арбуз, оглядывая друг друга счастливыми глазами: а как ещё можно есть арбуз?

Мать расстелила красивую клеёнку в красных и чёрных цветах, бабушка сидела возле на табуретке, отец стоял.

На ледяной запах арбуза слетелись одна за другой осы и кружили над нами, назойливые и опасные.

Первым не выдержал отец. Осы, верно, были единственным, чего он боялся в жизни. Однажды его, пьяного, ужалили, и он, здоровый, под два метра мужичина, потерял сознание. К вечеру голова его стала огромной и розовой, глаза исчезли в огромных, распухших бровях. Он едва не умер.

– Я лучше пойду покурю, – сказал отец, и спрятался за трактор. Осы полетели за ним, но потом вернулись, недовольные железом и дымом.

– Сразу курить, сразу курить, – сказала мать вслед отцу.

Весело отмахиваясь от ос, за отцом пошёл крёстный. По его лицу я угадал, что мужики сейчас опробуют заначку, наверняка где-нибудь спрятанную в железных закоулках трактора.

Жена крёстного внимательно смотрела ему в спину, о чём-то догадываясь. Но тут на её лицо села оса, и она отвлеклась, и засуетилась, и стала размахивать платком.

Обиженные осами, ругались сёстры, перебегая с места на место, и пугалась настырных насекомых мать.

Я старался сохранить достоинство, но у меня тоже получалось плохо. Я сдувал присевших на арбуз ос, осы ненадолго отцеплялись, делали раздражённый круг и почти падали мне на голову.

Одна бабушка сидела недвижимо, медленно поднимала поданный ей красный серп арбуза и, улыбаясь, надкусывала сочное и ломкое. Осы ползали по её рукам, переползали на лицо, но она не замечала. Осы садились на арбуз, но когда бабушка откусывала мякоть, они переползали дальше, прямо из-под зубов её и губ, в последнее мгновение перед укусом.

– Бабушка, у тебя же осы! – смотрел я на неё с восхищением.

– А?

– Осы на тебе!

– Ну так, им сладко, – и бабушка смеялась и вправду только что заметив ос.

– Как же ты не боишься, они же могут укусить?

– Зачем им меня кусать?

Бабушка поднимала красивую руку с ломтём арбуза, по руке переползали две или три осы и ещё две сидели на корке, питаясь стекающей сладостью.

Она откусила арбуз и ещё одна оса, сидевшая на щеке, легко и без обиды взлетела, сделала кружок, и осела куда-то в травку, к объеденным коркам.

Все разнервничались и быстро разошлись. Бабушка тихо сидела одна.

Утром брошенные арбузные корки смотрятся неряшливо, белая изнанка их становится серой и по ней, вместо ос, ползают мухи.

Так смотрелась вчерашняя моя деревня: будто кто-то вычерпал из неё медовую мякоть августа, и осталась серость, и последние мухи на ней.

Все умерли. Кто не умер, того убили. Кого не убили, тот добил себя сам.

Сестёр несколько раз ударило об углы и расшвыряло далеко.

Осталась бабушка и Орхан с русской женой, которая пила и за то Орхан её ежедневно бил.

Огороды, которые, казалось, ещё недавно бурлили под землёй живым соком, стихли и обросли неведомой травой. Не громыхала бодрая картошка о дно ведра.

Мы въехали на моей белой "Волге" в деревню, мы двигались в поднятой нами пыли, странные и непривычные здесь, словно на Луне.

Бабушка даже не всплеснула, а вздрогнула усталыми руками, встала нам навстречу, сморгнула слезу, улыбнулась.

Она впервые видела мою жену. Они сразу заговорили как две женщины, а я молчал и трогал стены.

– Бабий труд незаметен, – сказала бабушка жене.

"Бабий труд незаметен", – повторил я себе, и вышел на улицу с сигаретой.

Вот это построил дед: забор, сарай, крыльцо, дом.

Картины в доме нарисовал отец: на них – дед, дом, луг, сад.

Расколотое на несколько частей, но ещё живое бабушкино сердце – вот упорный мужицкий труд.

Не двигаясь и не суетясь в редкие мгновения, когда можно было не двигаться и не суетиться, вкушая малую сладость, она прожила огромную жизнь, оглянувшись на которую, не различишь земным взглядом и первого поворота, за которым тысячи иных.

Мы не сумели так жить.

– Баба служит, а мужик в тревоге живёт, только прячет свою тревогу, – слышал я тихий бабушкин голос за неприкрытой дверью. – Бабью жизнь мужику не понять, нас никто не пожалеет. А нам мужичью колготу не распознать.

– Колготу? – спросила моя жена.

– Колготу, суету, муку, – пояснила бабушка.

– Баба в служеньи живёт, а мужик в муке… Или только мои такие были, не знаю, – вздохнула она и умолкла.

Мы вышли с женой из дома и спустились к реке. Прошли через едва живой мосток и поднялись на холм. С холма была видна огромная пустота.

"…И солнце болит и держится косо, как вывихнутое плечо…"

Я произнёс это вслух.

– Что ты сказал? – спросила жена.

Я смолчал. И она спросила меня снова. И я снова смолчал. Не хватало ещё повторять всякую дурь.

Жена сидела недвижимо, очарованная и смертно любимая мной.

Подожди, я сломаю и твоё сердце.

Мы возвращались, когда начало вечереть, я шёл первым, и она торопливо за мной. Я знал, что ей трудно идти быстро, но не останавливался.

У реки я присел на траву. Неподалёку стояла лодка, старая, рассохшаяся, мёртвая. Она билась о мостки, едва колыхаемая, на истлевшей верёвке.

Я опустил руку в воду, и вода струилась сквозь пальцы.

Другой рукой я сжал траву и землю, в которой лежали мои близкие, которым было так весело, нежно, сладко совсем недавно; и вдруг почувствовал ладонью злой укол и ожог. Дурно выругался, принёс напуганную руку к лицу, ничего не мог понять. Обернулся и взглянул туда, где сжимал землю – в траве лежала оса, я её раздавил.

Рука начала вспухать и саднить. В ладони разрасталась нудная боль, словно оса поселилась под кожей и жаждала вырваться, разбухая, истекая под моей кожей горячей, жгучей осиной кровью.

Вернувшись в отчий дом, я заторопился, не допил чай, почти выбежал на улицу, завёл машину, хотя бабушка ещё разговаривала с моей женой.

Ехал, с неприязнью держась за руль больной рукой, нещадно давил на газ, наматывая чёрную дорогу.

Ночью приехали и я сразу упал в кровать. Зажав голову руками, быстро забывшись, я вдруг услышал стук своего сердца, он был торопливый и упрямый. Мне приснилась привязанная лодка, которая билась о мостки. Тук-тук. Ток-ток.

Подожди, скоро отчалим. Скоро поплывём.

2007 г.

2 вариант

Дайте интерпретацию стихотворения **Р. Рождественского «Баллада о таланте, боге и черте»**, обращая внимание на особенности настроения, содержания и художественной формы.

Баллада о таланте, боге и черте

Все говорят:
«Его талант — от бога!»
А ежели — от черта?
Что тогда?..

Выстраиваясь медленно в эпоху,
ни шатко и ни валко
шли года.
И жил талант.
Больной.
Нелепый.
Хмурый.
Всего Гомера знавший назубок,
Его считал
своею креатурой
тогда еще существовавший
бог.
Бог находил, что слог его прекрасен,
что на земле таких —
наперечет!..
Но с богом был, конечно, не согласен
тогда ещё не отмененный
черт.
Таланту черт шептал:
«Опомнись,
бездарь!
Кому теперь стихи твои нужны?!
Ведь ты, как все,
погибнешь в адской бездне.
Расслабься!
Не отягощай вины».
И шел талант в кабак.
И —
расслаблялся.
Он пил всерьез!
Он вдохновенно
пил!
Так пил,
что черт глядел и умилялся.
талант
себя талантливо
губил!..
Бог
тоже не дремал!
В каморке утлой,
где — стол,
перо
и пузырек чернил,
бог возникал
раскаяньем наутро,
загадочными строчками
дразнил…
Вставал талант,
почесываясь сонно.
Утерянную личность
обретал.
И банка
огуречного рассола
была ему нужнее,
чем нектар…

Небритый.
С пересохшими губами.
Упрямо ждал он
часа своего…
И строки
на бумаге
проступали,
как письмена, —
отдельно от него.
И было столько гнева и напора
в самом возникновенье
этих строк!..
Талант, как на медведя,
шел
на бога!
И черта
скручивал
в бараний рог!..
Талант работал.
Зло.
Ожесточенно.
Перо макая
в собственную боль.
Теперь он богом был!
И был он чертом!
А это значит:
был
самим собой.
И восходило солнце
над строкою!..
Крестился черт.
И чертыхался бог.
«Да как же смог он
написать
такое?!»
…А он
еще и не такое
мог.

(Р. Рождественский, 1973 г)

Критерии оценивания

Для удобства оценивания предлагаем ориентироваться на школьную четырёхбалльную систему. Так, при оценке по первому критерию 0 баллов соответствуют «двойке», 3 балла – «тройке», 7 баллов – «четвёрке» и 10 баллов – «пятёрке». Безусловно, возможны промежуточные варианты (например, 5 баллов соответствуют «четвёрке с минусом»).

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла». Последовательное и аргументированное раскрытие смысла текста в динамике через конкретные наблюдения. Максимальный балл — 30 (шкала: 0 – 10 – 20 – 30).
2. Композиционная стройность. Логичность и связность текста, уместность цитат и отсылок к произведению. Максимальный балл — 10 (шкала: 0 – 3 – 7 – 10).
3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом. Умение корректно и точно использовать термины, без искусственного усложнения текста. Максимальный балл — 10 (шкала: 0 – 3 – 7 – 10).
4. Историко-литературная эрудиция. Уместность и обоснованность использования фонового материала из области культуры и литературы, отсутствие фактических ошибок. Максимальный балл — 10 (шкала: 0 – 3 – 7 – 10).
5. Общая языковая и речевая грамотность. Учитывается соответствие речевого оформления коммуникативной задаче, точность выражения мысли, умение обходиться без штампов. Максимальный балл — 5 (шкала: 0 – 1 – 3 – 5). Если ошибки существенно затрудняют понимание текста (например, более трёх ошибок на страницу), по этому критерию выставляется 0 баллов.

Максимальный балл — 65

Задание 3. Творческое задание

Вы создаёте выпуск авторского подкаста «Письма без адреса», в котором писатели разных эпох «спорят» между собой через свои произведения. Выберите два произведения разных авторов или эпох (например, Достоевский и Платонов, Толстой и Булгаков, Лермонтов и Бродский, классика и современная проза) и постройте выпуск вокруг одной общей проблемы: свобода, вина, память, маленький человек, власть, одиночество.

Обязательные элементы:

1. **Тизер (до 30 секунд):** сильный зачин, задающий проблему.
2. **Основная часть:** сопоставление героев, мотивов или художественных решений двух авторов. Нужен анализ, а не пересказ.
3. **«Неудобный вопрос»:** вопрос, который ведущий задаёт одному из писателей (или от лица читателя) и на который нет однозначного ответа. Дайте на него развёрнутую версию ответа.
4. **Звуковая драматургия как интерпретация:** 3 или более звуковых решения с кратким пояснением, почему вы выбрали именно их (например, «тиканье часов, сбивающееся с ритма, передаёт распад времени у героя»).
5. **Финал:** мысль, которая остаётся со слушателем: не вывод-мораль, а поворот или открытый вопрос.

Критерии оценивания

Максимальный балл – 15

№	Критерий	Что оценивается	Баллы
1	**Глубина интерпретации**	уровень сопоставительного анализа, филологическая точность, самостоятельность суждений, ответ на «неудобный вопрос»	0-5
2	**Композиция, жанр и звуковая драматургия**	цельность выпуска, работа тизера и финала, осмысленность звуковых решений	0-5
3	**Оригинальность замысла и речевая культура**	неожиданность концепции, стилистическая выдержанность, грамотность и богатство речи	0-5